

Правда, в последние дни забота о Му Цзышань сильно изменила настроение Хэ Янься. Даже она сама не понимала, откуда у неё взялось столько терпения к какому-то человеку — в былые времена она сочла бы это немыслимым даже в мыслях. Если бы она просто хотела помучить её, то сейчас, доведя эту женщину до полусмерти, уже сполна удовлетворилась бы. В конце концов, вряд ли она способна ненавидеть постороннего человека настолько, чтобы желать ему участи хуже смерти. И всё же Хэ Янься неизменно чувствовала, что этого мало, что она словно осталась кому-то чем-то должна, хотя толком не могла объяснить, в чём именно дело.

Приготовленный лекарем отвар состоял из сплошных жгучих и согревающих компонентов, на вид самых обыкновенных, какие найдутся в любой аптеке. Однако матушка Ма говорила, что здесь важен согревающий эффект: главное — заставить яд выветриться из тела пациентки, а какое именно питьё использовать, большой разницы нет. Самым же важным было то, что Хэ Янься ежедневно промывала её кровь от яда с помощью крепкого алкоголя. При должном уходе после этого Му Цзышань очень скоро должна была пойти на поправку.

Поэтому Хэ Янься терпеливо ждала, пока та придёт в себя. Му Цзышань целыми днями погружена в сон, а Хэ Янься собственными руками поит её отварами и лекарствами; когда та была не в силах проглотить ни капли, она даже набирала питьё в собственный рот и вливала ей. Благодаря лучшим целебным мазям из Дворца Цюньин и заботливому уходу дворцовой госпожи Чи раны Му Цзышань заживали довольно быстро. Глядя, как её телесные повреждения постепенно затягиваются и в конце концов от них остаются лишь едва заметные шрамы, а на лице мало-помалу возвращается здоровый румянец, Хэ Янься всё же не могла дожидаться, когда та соизволит очнуться — то ли из-за тяжести ранений рассудок всё ещё был затуманен, то ли не угасло еще затаённое на неё, Хэ Янься, жгучее озлобление.

Хэ Янься неизменно склонялась к последнему варианту, ведь она была уверена, что Му Цзышань не из тех, кого способна свалить простая болезнь. Поэтому со временем она то и дело заводила с ней разговоры. Пусть та не отвечала ни слова, Хэ Янься ничуть не смущалась и продолжала болтать с ней, словно сама с собой: порой сыпала насмешками, порой пугала угрозами, а иногда болтала о всяких пустяках, точно коротая время за обычными житейскими беседами.

Иногда она заявляла, что та — упорнейший человек из всех, кого ей доводилось встречать, первая, кто держится до победного и ни за что не желает склонить перед ней голову, поистине глупая до такой степени, что это вызывает восхищение.

Иногда выговаривала ей, что столько всего натерпелась, а в конце концов всё равно оказалась лишь пешкой в руках лицемерных праведников — какой в этом вообще смысл? Только начисто лишённый сообразительности человек мог позволить себя использовать.

Иногда пеняла, что раз уж она вполне могла унести ноги в одиночку, зачем было тащить за собой не владеющую толком боевыми искусствами младшую сородичку в качестве обузы? Даже если бы их поймали, следовало бы спастись самой; губить себя ради какой-то девчонки без особой красоты и с жалкими навыками было донельзя глупо.

Иногда пугала её, грозя бросить в Озеро Бишань позади Дворца Цюньин на съедение

плотоядным рыбам, если она не проснётся: стоит только полететь на дно, как от неё в мгновение ока останется лишь один скелет, и тогда посмотрим, что крепче — её кости или зубы тех рыб.

А порой и вовсе заводила странные разговоры о прошлом, рассказывая о рассвете, который видела в детстве в Яньчжоу, когда бескрайние просторы земли заливало ослепительно-алым заревом, и даже спустя столько лет при упоминании Яньчжоу перед глазами неизменно вставали те переливчатые облака.

Вот только Му Цзышань за всё это время ни разу не открыла глаза, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то откликнуться на слова Хэ Янься.

Тогда Хэ Янься сменила тактику: теперь она целыми днями поддразнивала Му Цзышань, уверяя, что та, если присмотреться, — настоящая красавица, просто никогда толком не ухаживала за собой.

После этого она принесла целую гору румян и пудры, изрисовав ими лицо Му Цзышань, а затем велела принести множество роскошных и затейливых нарядов, переодевая её в них один за другим. Хэ Янься чувствовала, что лицо Му Цзышань превратилось в маску, но та упорно хранила молчание и никак не реагировала.

Хэ Янься это нисколько не смущало — она воспринимала происходящее как забавную игру. Видеть, как та отчаянно жаждет убить её, но при этом неподвижно застывает, позволяя делать с собой всё что угодно, казалось ей невероятно увлекательным.

Поиграв так некоторое время с Му Цзышань, как с куклой маленькой девочки, Хэ Янься, похоже, пресытилась этим занятием и перешла к новому способу.

Каждый день она ласкала руки Му Цзышань, проводила кончиком языка по её мочкам или вовсе срывала с неё одежды, бесцеремонно шаря руками по всему телу. И хотя на ложе Му Цзышань по-прежнему лежала недвижно, точно деревянная чурка, Хэ Янься забавлялась с животным интересом. Впрочем, на сей раз Му Цзышань всё же подала хоть какие-то признаки жизни.

Словно выражая протест против действий Хэ Янься, она наотрез отказалась принимать любую пищу. Даже когда Хэ Янься набирала отвар в собственный рот и пыталась влить его ей, Му Цзышань методично, глоток за глотком, выплёвывала всё обратно.

— И впрямь благородный муж скорее умрет, чем стерпит унижение?

— Неужели мои прикосновения вызывают у тебя такое отвращение?

Глядя на распростёртую на ложе Му Цзышань, Хэ Янься почувствовала, как в груди снова

закипает безымянная ярость, стирая в пыль крохи терпения, накопленные за эти дни.

Впервые в жизни она так терпеливо ухаживала за человеком, а в ответ встретила лишь пренебрежение. Подобное отношение переполняло сердце Хэ Янься гневом, для которого никак не находилось выхода.

— Ты возомнила себя невесть кем? Думаешь, я не найду на тебя управы? — Она сжала пальцами подбородок Му Цзышань и, прекрасно зная, что та не откроет глаза и не взглянет на неё, всё равно долго и свирепо сверлила её взглядом.

Хэ Янься знала, что та давно очнулась — просто упрямо не желает смотреть на неё и говорить с ней. Бессилие в её груди постепенно сменялось раздражением: неужели у неё, Хэ Янься, тысячи и миллионы способов ломать людей, и вдруг она спасует перед какой-то девчонкой вроде Му Цзышань?

Хэ Янься тихо усмехнулась, в её голове уже созрел план.

Му Цзышань и впрямь, как и предполагала Хэ Янься, всё это время лишь притворялась, а на самом деле давно пришла в себя.

Слушая разглагольствования Хэ Янься, она воспринимала их как пустую болтовню постороннего человека: пусть говорит что вздумается, она не станет обращать внимания. Му Цзышань надеялась, что та поболтает пару дней, сочтет это скучным и перестанет докучать. Кто бы мог подумать, что спустя несколько дней та изобретет новую забаву: принялась ежедневно изрисовывать её лицо косметикой, так что та и сама не знала, на что стала похожа её собственная физиономия. Однако она стиснула зубы и продолжала молчать, считая эту женщину донельзя праздной развлекательницей, раз она тратит столько времени на столь бессмысленные занятия ради неё одной.

Но она никак не ожидала, что через несколько дней та перейдет к более решительным действиям и распустит руки.

Скользящее теплое прикосновение принадлежало чужим пальцам — из-за постоянной работы с мечом кончики их были покрыты нежными мозолями, а по коже от этого тепла и легкой шероховатости пробегала мурашечная дрожь. Затем мочку уха обдало влажным теплом: мягкое осознание чужого кончика языка кругами обводило основание уха, после чего опустилось ниже, целуя шею и ключицы, злонамеренно находя самые чувствительные у Му Цзышань места. Му Цзышань охватила сладкая истома, но ей приходилось изо всех сил удерживать тело в неподвижном положении, притворяясь бесчувственной.

Та женщина, должно быть, тоже догадалась, что она вовсе не без сознания, а потому пускала в ход все средства, лишь бы поиздеваться над ней. Му Цзышань и сама толком не понимала, ради чего упрямится — просто инстинктивно не желала потакать её капризам.

— Ты и впрямь как чурбан, даже никакой реакции, — порой с наигранной досадной жалобой ворчала та, вызывая у Му Цзышань горькую усмешку. Ей и впрямь не хотелось думать, с какой стати она должна выдавать какую-то реакцию.

Однако руки и ноги этой женщины стали ещё более наглыми: ощутив внезапный холод вокруг всего тела, Му Цзышань поняла, что та снова сорвала с неё одежды, оставив лежать нагишом подле себя. Сама мысль об столь постыдном положении заставляла её мучиться, но из-за затаённого в глубине души соперничества она могла лишь продолжать притворяться мёртвой.

Ты хочешь, чтобы я заговорила с тобой — а я не произнесу ни звука; ты хочешь пронять меня такими фокусами — а я назло не разозлюсь и не попадусь в твою ловушку; ты хочешь, чтобы я жила и позволяла тебе измываться надо мной — что ж, я покажу тебе, что распоряжаться моей жизнью и смертью могу только я сама.

На её отказ от еды та, казалось, действительно рассердилась, но её угрозы звучали как пустые слова, и Му Цзышань намеревалась игнорировать их, как и прежде.

Пусть так. Хотя оставалось загадкой, откуда у этой женщины столько терпения играть с ней в столь скучные игры, по крайней мере, у неё не останется сил чинить препятствия Цзинь Юэ, а сама она с горем пополам продержится до тех пор, пока младший соратник не придумает способ её спасти.

Вот только Му Цзышань никак не ожидала, что слова Хэ Янься не были пустой угрозой.

На сей раз Хэ Янься не стала мягко и терпеливо поить Му Цзышань лекарством, как прежде, а грубо влила его в зажатый рот.

Му Цзышань почувствовала, как по горлу покатилась теплая маслянистая жидкость, оставив во рту странное, густое благоухание.

Хэ Янься тихо усмехнулась ей на ухо, но на этот раз прикосаться не стала: закончив с питьем, она отступила на несколько шагов назад. Му Цзышань не открывала глаз, но всё равно чувствовала на себе пристальный взгляд.

— Этот отвар называется Безбрежные ветра и луны, — голос Хэ Янься прозвучал совсем близко. Судя по всему, та решила остановиться в нескольких шагах и просто понаблюдать. Му Цзышань смутилась, решив, что у той наконец лопнуло терпение и она решила отравить её и отправить прямиком к владыке подземного мира. Но стоило волне жара подступить к телу, а в голове затуманиться, как Му Цзышань поняла, что дело приняло дурной оборот.

В памяти всплыли слова, оброненные той женщиной только что: Безбрежные ветра и луна.

Неужели этот отвар...

Смех Хэ Янься прозвучал вновь, словно насмехаясь над ней.

— Не думай, что у меня нет на тебя управы. Если захочу проучить тебя, я придумаю тысячу способов.

Ощувив у самой шеи горячее дыхание, Му Цзышань поняла, что та снова наклонилась ближе, и услышала шёпот, полный издевки:

— Разве ты не терпеть не можешь, когда я дотрагиваюсь до тебя?

— Теперь же, даже если ты будешь плакать и умолять меня прикоснуться к тебе, я не трону тебя и пальцем...

В голосе звучало злорадное поддразнивание, а едва договорив, хозяйка этого голоса разразилась дерзким смехом.

10. Игрушка (часть 1)

Ощущение волны жара, прокатившейся по всему телу, мгновенно сменилось всеобщим жжением.

Услышав тихий смех Хэ Янься неподалеку, Му Цзышань показалось, будто этот звук скрежещет по барабанным перепонкам острой железякой. К несчастью, та продолжала заливаться смехом, и Му Цзышань решила больше не изображать мертвую: распахнув глаза, она свирепо уставилась на обидчику. Та же уже устроилась на кушетке в углу комнаты, попивая вино и наблюдая за ней так, словно перед ней разворачивалось величайшее театральное представление.

— Хочешь кричать — кричи, на этот раз я не стала запечатывать тебе точку немоты, — с кривой усмешкой бросила Хэ Янься, демонстрируя предельно издевательское выражение лица, и продолжила неторопливо смаковать вино и закуски, сидя на кушетке словно сторонний наблюдатель.

Чем сильнее злилась Му Цзышань, тем быстрее колотилось её сердце, тем невыносимее становилось ощущение сладкой истомы в теле, а дыхание сбивалось всё сильнее.

Остатки разума шептали, что поддаваться воле Хэ Янься нельзя ни в коем случае, нельзя позволять ей видеть себя в столь унижительном виде. Но голова раскалывалась, словно от взрыва, кровь прилиwała к лицу мощными волнами, сознание заволакивало туманом, и она уже начисто забывала, о чём только что думала.

Му Цзышань до крови закусилa губу, мгновенно окрасив её в багровый цвет, втайне надеясь, что боль поможет ей немного прояснить рассудок. Но сколько бы она ни кусала себя, боли она

уже не чувствовала.

— Напрасно ты борешься, доза, которую я тебе дала, свалила бы наповал пару быков, к чему так мучиться? — видя её отчаянные попытки держаться, Хэ Янься снова принялась подтрунивать над ней, устроившись еще вальяжнее.

Ногти судорожно впивались в собственное тело, однако это не приносило никакого облегчения. Единственным чувством, оставшимся во всём теле, было нестерпимое жжение и истомы, а последние крупиты разума ускользали песчинка-по-песчинке. Пальцы Му Цзышань мёртвой хваткой вцепились в постельное бельё, суставы побелели и окоченели, но толку от этого не было никакого.

Ей казалось, что она отчётливо слышит стук собственного сердца, отдающийся прямо в ушах, и чувствует бешеный бег крови по жилам.

Кожа пылала так, будто её опаляли огнем, силы утекали из тела по капле, превращая его в бесформенную мягкую лужицу, а внутреннее беспокойство росло с каждой секундой, напоминая зуд от кошачьих царапин.

— Ты вечно всё терпишь через силу, из-за чего каменеешь и выглядишь скучной, как деревянная колода... — Голос Хэ Янься прозвучал будто ближе, но слова доносились как сквозь вату, и Му Цзышань уже не была уверена, не мерещится ли ей это.

— Жизнь так коротка, хочешь что-то сделать — так бери и делай, зачем оплетать себя всякими рамками и запретами? — Почему-то слова этой женщины показались ей донельзя правильными. Внутренние порывы вздымались неодолимой приливной волной, и на мгновение Му Цзышань позабыла, ради чего вообще упорствовала. Почему бы не пуститься во все тяжкие, как советовала эта женщина?

Человеческая жизнь так коротка, промелькнет — и не заметишь.

К чему это фанатичное следование этике и морали? Зачем истязать себя и заставлять делать то, чего совершенно не хочешь?

Но в следующий же миг другой голос в её сознании протрезвел и закричал во весь голос: не верь еретическим бредням секты демонов, не иди на поводу у этой ведьмы, иначе угодишь в её сети и увязнешь в пучине безвозвратно.

— Разве ты сама не знаешь, чего хочешь? — голос раздался снова, уже совсем близко, в поле зрения мерещились какие-то телу, словно невидимый поводырь тянул её за собой к обрыву, откуда не было возврата, а она безвольной куклой шагала вперёд лишь по наитию.

Чего же она хочет?

К чему стремится?

Му Цзышань никогда прежде не задавалась подобными вопросами, но в этот миг потаённые желания в её груди словно проступали наружу — столь отчётливо, что смотреть на них было страшно.

Что такое мораль и этика? Что значат эти навязанные рамки?

То, чего она желала, никто не мог ей дать, и даже она сама не смела думать об этом.

Первый стон сорвался с её губ, мягкий и бессильный, сопровождаемый рваными вздохами, и прозвучал до боли знакомо, прежде чем она осознала, что этот звук издает она сама. Му Цзышань была потрясена, но совладать с собственным голосом уже не могла.

Хэ Янься продолжала улыбаться у изголовья постели, то ли насмехаясь, то ли дразня.

— Не думала, что твой голос так прекрасен, когда ты стонешь. Раньше я вечно запечатывала тебе голос, и это было поистине упущением.

Му Цзышань охватили стыд и ярость, но их мгновенно смыло новой волной неконтролируемого импульса, а копившееся напряжение и внутреннее беспокойство вспыхнули с новой силой.

— Хочешь, чтобы я обняла тебя? Хочешь, чтобы я прикоснулась к тебе? — Хэ Янься вновь склонилась над ней, злорадно выдыхая прямо в ухо, но Му Цзышань, собрав последние крохи воли, стиснула зубы и отказалась отвечать.

В глазах Хэ Янься покрасневшая, задыхающаяся Му Цзышань выглядела невероятно забавно: изнемогая от мук, она всё равно упрямо сжимала зубы и не желала сдаваться.

Настоящая мученица собственного фанатичного тщеславия.

— Но я же сказала, что слов своих на ветер не бросаю. Даже если ты будешь плакать и умолять меня, я не тро.ну. тебя. и. паль.цем...

Нарочито растягивая слова, она прошептала это ей на ухо, после чего вернулась на кушетку в углу комнаты — продолжать представление. В тот день Хэ Янься осушила две кувшина вина и полностью расправилась с закусками, и лишь после этого лекарство в жилах Му Цзышань наконец начало отступать.

При мысли о том, как именно она выглядела всё это время, Му Цзышань была готова покончить с собой от стыда. Но ещё более омерзительным было то, что эта ведьма от начала до конца наблюдала за её позором, а после сидела с видом зрителя, насладившегося хорошим

спектаклем, — одно лишь воспоминание об этом заставляло её сердце пылать от неугасающей ярости.

Хэ Янься же, казалось, всерьез увлеклась этой бесцельной игрой: день за днем она продолжала подсыпать Му Цзышань зелье, после чего устраивалась рядом, наблюдая за её страдальческим лихорадочным румянцем и муками, то и дело подначивая её парой фраз, чтобы усилить ощущения в теле, но при этом от начала и до конца не прикасалась к ней, неизменно оставаясь лишь сторонним зрителем.

И чем сильнее Му Цзышань изнемогала в помутнении рассудка под действием зелья, тем тяжелее ей приходилось после возвращения ясности, а буря ярости и противоречивых чувств к Хэ Янься лишь крепла.

Хэ Янься и сама не понимала, почему её так затянула эта бессмысленная игра: каждый день она лишь подсыпала Му Цзышань порцию зелья и садилась рядом.

Стоило помнить, что сломить столь негибкого человека одними побоями невозможно; если действительно хочешь втоптать её в грязь, нужно сперва по кусочку уничтожить её гордость.

Раз уж ты считаешь свои кости крепкими, мои методы окажутся куда крепче любых костей.

Даже если ты жаждешь потешить своё упрямство, сперва взгляни, кто перед тобой стоит.

Однако, наблюдая за ней изо дня в день, она вдруг поймала себя на мысли, что вид Му Цзышань стал казаться ей соблазнительным, и порой, дразня её, она и сама ощущала странные порывы. Глядя на то, как у той наливаются кровью вены и пылает тело, её собственный организм тоже начинал невольно отзываться жаром.

Быть может, высвободились вовсе не потаённые желания одной лишь Му Цзышань — её собственные тоже вырывались наружу.

Хотелось целовать её и обнимать, хотелось прижать к себе так крепко, чтобы не отпускать, слиться воедино телами, хотелось... предаться с ней безудержной страсти без счёта времени и границ...

Дыхание Му Цзышань становилось всё тяжелее, по лицу пятнами расплзался румянец, а побелевшие от напряжения пальцы судорожно комкали простыню.

Хэ Янься снова наклонилась, обдавая её ухо двусмысленным горячим дыханием, от которого Му Цзышань занемогла ещё сильнее.

— Ты действительно... готова терпеть такие муки и всё равно не сдашься? — сквозь туман в голове Му Цзышань расслышала чей-то голос — чистый и звонкий, прорезавший пелену

беспамятства.

Тело охватило еще более нестерпимым жаром, таким сильным, что улетучивались последние крохи разума, и этот голос показался ей единственной соломинкой посреди бушующего океана, за которую хотелось ухватиться мертвой хваткой.

Пальцы бессознательно разжали смятую простыню, а над головой снова прозвучал тот же голос:

— Если хочешь — попроси меня. — Слегка насмешливый тон звучал пугающе властно, не оставляя возможности сопротивляться.

Последние остатки воли рухнули, стирая грань даже с собственным «я».

— Прошу... умоляю... —

Её собственный голос утонул в неможных, тихих столах, но на сей раз его не залила волна гнева — в этот момент ей хотелось лишь следовать за бурлящими в груди желаниями, а до всего остального больше не было дела.

— О? О чём же ты меня просишь? — голос на конце фразы взмыл вверх, ничуть не скрывая торжества говорившей.

— Я... — начав, она не знала, как продолжить, о чём вообще следовало просить? Му Цзышань понятия не имела, что сказать.

В следующую секунду её губы были накрыты поцелуем, и кто-то тяжело опустился сверху.

Теплый язык Хэ Янься безжалостно вторгся в её рот, терзая и исследуя каждый уголок, легко покусывая и жадно втягивая влагу, словно пламя, выжигающее всё на своем пути дотла и оставляя лишь пепел.

Эмоции взметнулись в один миг, хаос в голове сделался ещё беспросветнее, а безумие в сердце разрослось до предела. Му Цзышань бессознательно ответила на поцелуй, впиваясь пальцами в спину припавшей к ней женщины.

Поцелуй Хэ Янься был исступленным и раскаленным добела, а её руки тем временем медленно скользнули вниз, ловко развязывая пояс Му Цзышань и одним движением срывая с неё остатки одежды. Тело самой Хэ Янься постепенно разогревалось, словно подхватив жар Му Цзышань, или же из-за помутившегося рассудка наполняясь всё большим безумием и возбуждением.

Обжигающие кончики пальцев скользнули по плечам и спине Му Цзышань, очерчивая линию

тали, а поцелуи опустились ниже — опаляющие, словно пламя, они пронеслись по шее и ключице, где чернело клеймо в виде алого цветка лотоса, и замерли на набухших бугорках её груди, выписывая круги и дразня легкими покусываниями. Стоны лежащей под ней женщины стали тяжелее, а дыхание — глубже, в то время как уголки губ Хэ Янься изогнулись в ещё более широкой улыбке.

<http://bllate.org/book/21760/2250245>